

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общедоступные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славянство?»

Ответа нет!.. Славян, каковы во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: acb85deb-3a19-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Еще о греко-болгарской распре

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0021
III.....	.0040

**Константин Леонтьев
Еще о греко-болгарской
распре[1]**

Литературная статья или даже целая книга политического содержания не есть дипломатический документ.

С одной стороны, самое серьезное политическое сочинение гораздо ниже, слабее самого неважного министерского циркуляра, самой обыкновенной ноты от одного кабинета к другому.

С другой – назначение политических книг и статей несравненно шире и глубже дипломатических документов.

Дипломатический документ есть поступок государства. Политическое сочинение есть мысль одного лица или нескольких согласных лиц.

В дипломатическом документе поэтому имеет вес и смысл даже и все то, что может показаться или фразой, или неважным, для непривычного человека, оттенком.

Когда, например, какое-нибудь правительство в официальном документе или в речи официальной говорит, что не надеется на долговечность другого государства, это имеет

вовсе иной вес, чем та же мысль, высказанная в частном сочинении.

Это может быть справедливо объяснено как придирка, как угроза и может повлечь за собою серьезные последствия.

Дружба официальная, точно так же, как и официальное недоброжелательство, влияет безотлагательно на международные дела.

Но литература политическая должна иметь в виду гораздо более отдаленные цели. Она должна действовать прежде всего на множество своих соотечественников, а не на нескольких иностранных политиков, облеченных высокою властью.

Литература должна помнить, что она прежде всего имеет дело не с горстью людей специальных и преследующих определенные, безотлагательные практические цели, а с людьми разного ума, разного воспитания, различной степени подготовки и сметливости, которых большинство непосредственно на дела не имеет влияния. Поэтому, не опасаясь никаких немедленных последствий, не имея никакой практической, официальной ответственности, литература обязана не стес-

няясь и не лукаво вразумлять своих читающих соотчичей для грядущего.

Общественное понимание где бы то ни было по вопросам специальным вырабатывается не вдруг; мнение, хотя бы и ошибочное, но самобытное и высказанное ясно, без дипломатических экивоков, без заботы о том, что многим оно может не понравиться, приносит, я думаю, уже ту пользу, что вызывает опровержения, которые все более и более разъясняют вопрос.

Между читающими людьми везде мало таких, которые привычны на практике к политическому делу: к его приемам, обычаям, подробностям. С другой стороны, между людьми, служащими делу так или иначе на практике, очень много эмпириков, имеющих огромный навык, дарование, любовь к делу, обладающих всем тем, что дает мудрость исполнения; но немного людей, проникнутых общими идеями историческими и философскими настолько, чтоб это из далека и глубоко могло иметь влияние на их ежедневную деятельность.

Поэтому всякого рода обдуманые и откоро-

венные рассуждения о славянских и восточных делах могут принести пользу в грядущем, нисколько не влияя на наши практические, дипломатические отношения к Австрии, Турции и другим державам.

Мирной политике с Австрией и искренним, дружеским отношениям с мусульманским самодержавием наши частные рассуждения о панславизме, конечно, не могут мешать. И сверх того, мои-то рассуждения о панславизме тем более безвредны, что я положительно боюсь для России не только слияния с юго-славянами, но даже и слишком искренних и необдуманых сочувствий им во всех славянских стремлениях и поступках.

Насчет опасностей слияния или вообще тесного политического сближения с ними я писал еще в 1873 году.

Я старался доказать, что Турция нам скорей полезна, чем вредна, ибо она может стать нам даже союзницей, при некоторых неблагоприятных обстоятельствах.

Можно желать добра славянам, можно даже помогать им искренно, когда их кто-нибудь теснит, но считать их всегда и во всем

жертвами, или невинными, или ни при каких условиях не могущими нам, русским, вредить, – было бы слишком наивным...

Можно, во-первых, вредить, и не подозревая того: можно вредить, воображая даже, что делаешь пользу; можно вредить еще и потому, что «Россия так сильна, так велика, так богата... она все может вынести...»

И относительно Турции повторяю еще раз: «Ее по возможности желательно было бы хранить; если в ее существовании и есть зло, то это зло знакомое, с которым мы умеем обращаться; этого одного достаточно!»

В прежних статьях моих я доказывал, что Турция не только в политическом отношении, но и в самом религиозном в наше время скорее полезна православию, чем вредна, хотя, как мы ниже увидим, есть от нее и некоторый вред (именно по делу греко-болгарского разрыва); но и этот вред будет не слишком важен, если мы, русские, сумеем выйти из этой распри искусно и правдиво...

Для Турции, всякому ясно, греко-болгарский разрыв выгоден; но и в этом деле, по моему мнению, совершенно неожиданно наши

интересы могут почти совпасть с турецкими, если мы не односторонне отнесем к нему. Дальше, я надеюсь, эта странная мысль покажется простою.

Когда писал я мои статьи, более полутора лет тому назад, я находился еще под свежим впечатлением греко-болгарского разрыва: после разделения прошел всего год; еще не совсем ясно было, как будет вести себя болгарский простой народ в провинциях: будет ли он покоен или нет; собор греческий только что разошелся, объявив болгар и всех тех, кто будет в церковном общении с ними, – раскольниками. Греческие газеты поносили Россию, приписывая ее влиянию все зло.

С тех пор утекло немало воды. Греки много остыли: многие из них, вероятно, стали понимать, что Россия не так уже виновата против Восточных Церквей, как они думали... Болгары, по-видимому, все те же... Все так же довольны, все так же поют гимны султану, все так же счастливы своим расколом, все так же горды, видя, что все делается хоть и не так быстро, как бы они желали, но, однако, сбывается по их инициативе, по их воле, под их

Влиянием.

Присматриваясь ближе к делу и размышляя о нем, я убедился наконец в том, что давно уже Россия не ведет болгар, а болгаре идут сами, куда хотят, и надо опасаться только одного – чтобы из русских многие не вообразили, что и нам выгодно идти за ними.

Отчего болгаре ближе к нам, чем все другие славяне?

Болгаре всех ближе к нам, ибо история сделала их менее всех других славян от нас независимыми, менее всех других славян от нас отдельными.

Чехи, совершенно независимо от нас, ведут в Австрии свои политические дела; они *довлеют* сами себе; они мало нуждаются в нашем непосредственном вмешательстве в их народные движения, в их школьное воспитание. С религиозной стороны они являются по отношению к нам или индифферентными, или изредка благосклонными к православию, через посредство воспоминаний о Гусе, желавшем возобновить предания Вселенской Церкви, об Иерониме Прагском, который даже причащался с православными славянами

в Вильне, и пр.

Кроаты вступают в соглашения с венграми по собственному усмотрению, и ни печать русская, ни официальная Россия не могут иметь на подобные оттенки их жизни, вероятно, никакого влияния.

И кроаты, и чехи далеки от нас всячески, и мы очень хорошо знаем, что для них Россия есть нечто вроде заднего занавеса на современной политической сцене... На занавесе этом «за холмами, за долами», среди глубоких снегов и за дремучим лесом, блещут далеко богатые палаты миролюбивого, но могучего царя; виден многолюдный лагерь... Подозревается незримое издали движение, блеск и шум, и звон оружия... Пусть эта величаво исполненная картина дальнего занавеса остается пока неподвижною... Мы только изредка, говорят чехи, и кстати укажем на нее с улыбкой нашим противникам, укажем на нее всем, кто захочет класть пределы развитию нашего постепенного сепаратизма!

Вот что такое Россия в настоящее время для австрийских славян... И тем лучше и для нас, и для них. Это и есть одно из проявлений

того тяготения на почтительном расстоянии, которое я не раз уже хвалил.

Турецкие сербы уже гораздо ближе к нам по вере, по преданиям, по воспитанию историческому. Но и они гораздо отдельнее, обособленнее болгар; они имеют свое официальное, государственное выражение; они имеют свои юридические, национальные центры, признанные международным правом, и по этому одному уже на них смотрят у нас холоднее, строже. Они не раз уже пред целым светом заявляли свою самобытность, свою от нас независимость, не раз и давно уже явно склонялись, вопреки нашей дипломатии, то на сторону австрийских властей, то на сторону Англии, Франции, даже Турции, когда это им казалось выгодным.

У них есть правительства, которые пишут ноты, депеши, циркуляры, у них есть Белград – столица, на которую, при всей ее бедности и малости, устремлены взоры стольких кабинетов и стольких политических редакций. В этой небольшой столице издаются газеты, собираются всякие оmlадины, происходят шумные, известные всему миру бунты,

политические убийства, революции. У них теперь уже очень мало своей культурной, в славянофильском смысле – национальной физиономии (ибо на один простой народ надеяться никогда не следует в этом случае), но у них есть личность государственная, и потому они представляются нам и более ответственными, и несколько более чуждыми, более самобытными, чем болгары... Они тоже тяготеют на почтительном расстоянии.

Совсем иное дело – болгары... На них уже и теперь видна вся опасность для нас того сближения, того недостаточного обособления, о котором я говорил. У болгар нет своего государства, нет официально признанного центра национальной ответственности; нет столицы, нет своих высших училищ, как у сербов и греков; газеты их бедны, малы, непрочны, миру неизвестны... Все, что они делают, поэтому темно, загадочно, обществу нашему мало понятно; они представляются, естественно, во всем жертвами, угнетенными, забитыми. Они безответственны государственно и пред нами, и пред Европой.

Поэтому осторожность строгая им нужна

только противу турок. Кроме турок им некого и нечего бояться. Были бы довольны ими турки, щадил бы их только турецкий суд, турецкий штык, турецкая административная кара, – какого суда, какого оружия, какой карающей власти бояться им?..

Кроме отсутствия своей государственности надо упомянуть и еще о нескольких условиях, сближающих нас особенно с болгарами. Таковы географическое положение, отсутствие высших и средних училищ у самих болгар и слабое развитие этих учреждений в Турции вообще.

У греков есть, сравнительно, разумеется, множество средств к образованию дома; в Афинах есть университет (народных, первоначальных училищ множество, впрочем, и в Турции; местами они, говорят, гораздо лучше, чем в Элладе). Сербы ближе к Австрии, чем к нам; переехать Дунай им легко, у них есть все удобства для сношений с австрийскими сербами, которые пишут и говорят на одном с ними языке...

Болгары же и по географическому положению своему к нам ближе, и по государствен-

ному сиротству своему имели всегда особые нравственные права на наше внимание, и по бедности прежней своей не имели средств на учреждение болгарских гимназий. Между ними бóльшее число молодых людей воспиталось и воспитывается в России, и это хотя и незаметно, однако довольно сильно связывает их с нами. Но связь этого рода никак не значит ни в принципе, ни на практике (как оказалось) покорность русскому влиянию, подчинение болгарских интересов русским, а как большею частью случается в подобных случаях, эскамотаж русского образования на пользу болгарских особых интересов; эксплуатация великорусских сил для целей собственно болгарских.

В этом нет большого зла и, может быть, из этого выйдет даже и большое добро и для нас, и для всего славянства, со временем, если обстоятельства примут счастливый оборот, если мы поймем, в чем дело.

Но чтобы обстоятельства приняли счастливый оборот, надо нам, мне кажется, беспрестанно помнить следующее общее правило: что воспитание людей какой-нибудь нации

учителями другой, более старой и ученой нации никак не влечет за собою неизбежно подчинение интересов этой младшей и новейшей нации интересам ее воспитательницы. Большею частью последствия даже обращаются в ущерб воспитательнице, ибо воспитанники понимают своих учителей, а учителя, глядя долго на питомцев с благодушною гордостью, не видят, как у тех вырастают понемногу зубы и когти...

Потом настает минута зрелости, и учитель с удивлением видит, что питомец, овладев его средствами, говорит, однако, уже совсем не то, что он ему внушал! А между тем, быть может, наставник уже связан с этим эмансипированным питомцем разными прежними нравственными обязательствами, сожалением, любовью, вещественными выгодами и, наконец, известными логическими посылками, от которых не у всякого есть мужество вовремя, откровенно отказаться как от ошибочных.

Не революцию якобинскую проповедовала блестящая аристократия Франции в XVIII веке, когда чествовала деизм Вольтера, идеаль-

ную демократичность Руссо, конституционный дух Монтескье... Однако на этих началах выросли Мирабо, Дантон и Робеспьер. Не июльских баррикад сорок девятого года, не царство последней коммуны желала, в свою очередь, якобинская воспитанная буржуазия, когда приучала народ бунтовать противу всякой власти.

Не врагов непримиримых православным грекам и Восточным Церквам, которые были столь долго нашею опорой в восточных делах, хотела, конечно, воспитать Россия в болгарях, – но людей ей и ее православным интересам приверженных.

Не вина России, конечно, что обстоятельства переросли, наконец, ее средства в этом вопросе.

Не вина России, что все эти народы Востока, выросшие под крылом ее, хотят уже жить по-своему, не справляясь с ее выгодами, не понимая даже иногда, чем и как они могут вредить ей.

Многие из болгар, я уверен, смутились бы, если бы им доказали, что они могут глубоко повредить России, этой главной опоре сла-

вянства; но многим и в голову не приходит это.

– Россия так огромна, так могущественна; что мы, бедные, живущие под турком болгары, можем ей сделать? – говорят они.

А я сказал бы: «Нет! Именно потому, что болгары бедны, они могут быть опасны нам. И по вере своей, и по государственному своему сиротству, и по единоплеменности, и по педагогическим связям, и по месту они ближе к нам всех других юго-западных и юго-восточных соседей наших. По близости своей они могут принести немалый вред, не желая сами того, сперва нам, а потом всему славянству и, наконец, самим себе.

Болгары в яме, болгары в траншее, они видят лишь ближайшие свои цели.

Мы на горе; мы претендуем распоряжаться, мы должны даже претендовать на высшую стратегию и тактику во всех подобных делах!

Не пристойно было бы, чтоб ошибки и честолюбивые увлечения какого-нибудь прапорщика повлекли бы за собою неосторожное движение всех резервов великой армии, на-

значенной, быть может, для защиты самых священных, охранительных и творческих сил человечества!

Жертва тирании иногда незаметно и неожиданно перерождается в деспота; сирота оказывается не только неразумным, но нередко и неблагодарным».

Мы сочувствуем болгарам...

Мы должны сочувствовать болгарам...

Прекрасно!

Но сочувствует ли нам большинство политикующих болгар? И в чем? И нет ли и между ними у нас много врагов – врагов тем более непримиримых, что это не вражда оскорбления или злобы, а вражда идеальная, вражда национального сепаратизма во что бы то ни стало? И даже если часть болгар и сочувствует нам, то в какой мере? В чем именно они России сочувствуют?

Полезно ли нам, наконец, всякое сочувствие, или могут быть иногда и вредными симпатии?

Вот в чем вопросы!

Сочувствует, положим, серб. Он желал бы, чтобы Россия помогла или по крайней мере не мешала Сербии стать югославянским Пьемонтом; чтобы Россия не помешала бы сербам составить военное и воинственное государство от Триеста до устьев Дуная и до берегов Босфора, с 14–15 миллионами здорового

народа, составленного из воинственных гордых сербов и упорных, трудолюбивых, хитрых болгар, из образованных, лихих мореплавателей-далматов, из кроатов и т. д.

Потом можно будет сказать России: «Вот Геркулесовы столбы не только твоего величия, но даже и влияния твоего!»

Сочувствие грека?

Мы не говорим о сочувствии простых или прежних истинно православных людей греческого племени, о симпатии религии к религии, о симпатии полуневольной, симпатии сердца, о той симпатии, которая и в Сербии, и в Болгарии, и в Греции выражалась когда-то стонами и мольбой о помощи и спасении.

Нет, до последнего времени, до окончательного разгара болгарских дел многие и не слишком православные греки думали, что России выгодно поддерживать греков, противу Турции, противу Запада и т. д.

В простом народе, в стариках у всех почти еще очень глубока была сверх того и прежняя сердечная полуневольная симпатия.

Неудачный исход критских дел много охладил к нам греков. Враги наши и в их соб-

ственной среде, и, конечно, иностранцы стали указывать особенно на сербские крепости. Кровью греков куплена свобода славян. Через славян все наши несчастья; не будь славян или не будь России за югославянами, мы были бы великой нацией, мы образовали бы большое и славное государство.

Грек может сочувствовать России только как союзнице, при данных выгодных условиях. Греков у нас обыкновенно считают нацией умною, коварною и лукавою. Но не помнят, что, с другой стороны, это нация гордая, живая, подвижная, увлекающаяся и по темпераменту личному, и по неустойчивости своего государственного строя.

Например, при торжественном объявлении схизмы греки увлеклись весьма дурными расчетами.

В жажде объявить схизму совпали у них два совершенно противоположных направления, две наиболее могучие движущие силы их народности. С одной стороны, преданность старого духовенства строгости православия — то самое свойство греков, которое отстояло до нашего времени Церковь, ее дух и ее дисциплину.

плину от ересей, папства и турок.

С другой, желание отделить свою греческую народность от славян и России, спасти ее от «потока панславизма», под маской строгого православия выработать постепенно все новую религию. Старый греческий архиерей и молодой адвокат, журналист, профессор, воспитанный в Европе, не верующий ни во что, кроме прогресса и гения новых греков, – оба они совпали в желании воспользоваться канонами и объявить схизму.

Гнев старых иерархов на болгарскую дерзость и радость молодых мечтателей при мысли об отделении от славян соединились дружно к одной цели, но с разными надеждами и побуждениями.

Понятно, сколько оттенков личных мнений вместилось между этим патриаршим «non possumus»[2] и этим греческим «fará da se»[3].

Патриарх, говорится с одной стороны, не может отдать Фракию и Македонию болгарам. Он есть лишь наместник Вселенских соборов в этом случае, делегат их. Вселенские соборы укрепили за цареградским престолом

эти страны[4]; только новый Вселенский собор может отдать их болгарам. Русское духовенство опасается Вселенского собора; оно уже чувствует, что каноны за нас и что придется отказать фракийским и македонским болгарам в свободе. На отделение Антиохийской, Александрийской и Ираклийской и т. п. Церквей указывать нельзя. Эти учреждения древние, византийские. Новогреческую (королевства Эллады), сербскую, русскую отделили потому, что она была в более или менее независимых владениях. На такие уступки, правда, нет правил древних и писанных, но есть древняя практика Церкви, древние примеры. Пусть эти болгарские страны станут политически независимыми, тогда мы вынуждены будем уступить; ибо и по правилам, утвержденным патриархом Фотием, церковные права и особенно епархии меняются согласно с политическим развитием округов. Своевольно теперь мы можем отделить лишь придунайскую Болгарию и некоторые части других двух стран. Великий Петр не позволил себе даже и форму своей независимой Церкви изменить своевольно; он просил совета и бла-

гословения у восточных патриархов для замены русского патриарха синодом. Отчего же одни болгары будут иметь особые права? Великий московский святитель Филарет говорил, что болгары не имеют права отделиться без благословения патриарха, если хотят считать себя православными.

Православие состоит из догматов, нравственного закона, обрядов и канонов. Все четыре элемента одинаково необходимы. Без догматов нет основ, без нравственности нет жизни практической, без обрядов нет внешнего единства, нет постоянного возбуждения чувств, без канонов нет порядка и суда. Каноны – это юриспруденция православия. Как же можно жить без суда, без администрации, без законов!

Нет сомнения, русские объявят болгар раскольниками и болгары смирятся тогда пред ними!

Вот что говорили и говорят еще до сих пор греки, ревностные к православию.

Англо-немецкие идеалисты из греков судили и судят иначе.

Несчастье наше – это соседство славян.

Еще большее несчастье – единоверство с нами. Но мы воспользуемся теперь орудием православия и объявим раскол, так как каноны во всяком случае говорят больше за нас, чем за болгар. Взгляните, что за триумф! Турецкие государственные люди объявляют себя за болгар, синод русский переходит явно на их сторону. Но для Запада мы уже не «батарея русская, направленная против Европы». Англия и Германия возносят нас до небес. Они простирают нам свои объятия. Встает мажорсный образ Византии...

Собирается местный собор в Царьграде. Народ, подстрекаемый агитаторами, шумит и угрожает патриархам и епископам, требуя объявления раскола.

Раскол объявлен. Болгарские крамольные архиереи преданы проклятию; акты собора посланы ко всем независимым Церквам. Греческие газеты гремят против панславизма, против России, против нашей дипломатии и нашей печати. Отборные ученые, более гуманные архиереи собираются ехать во все болгарские епархии, чтобы бороться там против этно-филетизма авторитетом старой, право-

славной Церкви, у Порты греки стараются вымолить приказание болгарскому духовенству изменить камилавки и вообще внешний вид, чтобы поразить новшеством болгарский простой народ. Греки пишут брошюры, жертвуют деньги, устраивают везде силлоги (литературно-политические круги). Патриарх и берлинский посол обмениваются визитами и любезностями.

Греческое духовенство с содроганием, а молодые этно-филетисты (и старые тоже) с радостным нетерпением ждут официального ответа от русского синода. И те, и другие думают, что русский синод, быть может, станет открыто и безусловно за болгар...

– Неужели за болгар? Ведь их формальная неправота так ясна, так неоспорима? – думает грек православный.

– Неужели противу болгар? – спрашивает себя грек этно-филетист.

Но вот проходит год, два, три... Денежные жертвы небогатой, малочисленной нации скудеют; настает усталость, начинаются раздоры, упреки умеренных людей. Находятся наконец и такие греки, которые говорят, что

объявить схизму в церковном смысле, пожалуй, и правильно, потому что болгары сами себя отделяли; но что именно в национальном отношении со стороны греков собор был ошибкой, ибо при схизме, при той свободе действий, которую эта схизма дает болгарам, не будет уже никакой возможности удержать грекам за собою Фракию и Македонию, что болгарские всходы, благодаря схизматической свободе, пробьются с неудержимой силой везде, даже и на стенах самого Царьграда!..

Порта отказывает в бератах тем греческим архиереям, которые хотят ехать в болгарские епархии. Турецкие министры говорят, что они уже утомлены беспорядками, спорами из-за владения церквами, что они позволят ехать греческим епископам только в те болгарские города, откуда придут прошения, подписанные значительным числом жителей. Прошений этих, конечно, нет, ибо и болгаре не дремлют; движение их столько же сильно, как и движение греков, хотя и менее шумно.

Посол германский ничего не может сделать... кроме одного или двух визитов к пат-

риарху.

Европа Грецию еще не носит на руках; не прогоняет турок для немедленного создания эллинской Византии, русским не объявляет войны.

Простые греки по-прежнему серьезно смотрят на православие (они и на русских теперь сердиты за то, что подозревают их в подворстве схизматикам). Простым грекам и слово вымолвить еще страшно против православия.

Еще недавно (в 1868 или в 1869 году) в Патросе паликары перебили молодых прогрессистов за то, что они собирались на совещания в какой-то дом с целью сделать всех греков масонами (так зовут на Востоке деистов, прогрессистов).

Официальная Турция искусно колеблется между греками, которые, насупя брови и скрепя сердце, курят ей фимиам, и между болгарами, восклицаящими беспрестанно везде, в церквях, в училищах, в статьях: «О! Наш милосердый царь, султан, Абдул-Азиз-хан, даровавший нам свободу от врагов наших греков!.. О! как правы были те из вождей наших,

которые говорили нам: „Не на Россию надейтесь, а на султана; Россия боится разрыва славян с греками, она всеми силами будет стараться придержать наше стремление на юг Фракии и Македонии, чтобы через это нетерпение наше не произошел раскол. Россия слишком связана со строгостью древлеправославных уставов, она ими держится; она не может, не вредя себе, во всем нам потворствовать... А туркам и нам выгодно совершенное обособление наше от греков“.

Так радуются те болгаре, которых враг раскола, редактор болгарской газеты «Век», зовет схизматофилами; но таких схизматофилов, болгар, множество...

И греки слышат эту радость и понимают ее...

Они видят еще, что западные державы теснят слабую Элладу за Лаврийские рудники.

Они видят, что болгаре не дремлют, рукополагают, венчают, крестят, учат свой народ в самых спорных землях, во Фракии и Македонии. Греки даже замечают, будто бы болгаре все свои силы напрягли на эти страны, а обдунайской, чистой, обеспеченной Болгарии

думают гораздо меньше.

А Россия?..

Напрасно ждал афинский прогрессист от России грубой племенной политики!..

Святейший синод после объявления схизмы безмолвствует. Он, как слышно, твердо решил не отвечать, «пока на Востоке не успокоятся страсти».

Официальная Россия в лице генерала Игнатьева чтит патриархию. Он едет к патриарху на праздник парадно: в мундире, орденах, с огромной свитой; к экзарху болгарскому, если случится, официальная Россия заезжает в будничном штатском платье, так, как может заехать ко всякому турку-дервишу.

Еще попытка... Афон. Секвестры бессарабских имений... Вот придирка в руки афинскому либералу!.. Россия хочет вступить на узкий путь князя Кузы... «Нас, греков, хотят испугать; хотят затронуть наши корыстные чувства... Тем лучше, – восклицает прогрессист-патриот. – До сих пор наши монахи были почти все за Россию. Теперь будет иное... И строгий аскет, которому лично ничего не нужно, усомнится впервые в России... Он ска-

жет: не мне нужны деньги; Церкви нужна внешняя вещественная сила... И он отвратит лицо свое от России и впервые поверит нам, афинянам, когда мы скажем ему: видишь, отче, ты ничего не знаешь, что делается на свете... Теперь Россия уж не та, которую ты знал и за которую ты так пламенно молился в своем уединении».

Однако и эта радость не была продолжительна!

Русское правительство объявляет во всеуслышание, что оно бессарабские имения считает неотъемлемою собственностью Святых Мест, что оно не конфискует их никогда, но налагает на них как бы временную опеку вследствие беспорядков в управлении ими.

Оно уже снова высылает доходы греческим монастырям.

Но все-таки толчок дан... Буря, которая кипела в Царьграде, в Иерусалиме, в Антиохии, отозвалась наконец и на тихом Афоне!

Изгнанные из Бессарабии проэстосы в шелковых рясах возвратились на Святую Гору, одушевленные нерасположением к России. Особенно отличается этими чувствами

некто о. Анания, ватопедский инок, лукавый, настойчивый, сам лично очень богатый; патриот эллинский, пожертвовавший недавно на Афинский университет такую большую сумму денег, что ему, как рассказывали тогда, правительство эллинское дало, чтобы почтить его, особый, нарочный пароход для возвращения на Афон.

Люди, подобные Анании, нашли средство, как подействовать издали и лукаво на иноков совершенно иных убеждений и жизни...

Вся злоба, вся интрига, вся эксплуатация разнообразных страстей и искушений, от которых наилучшие монахи (по свидетельству самих отцов Церкви) не застрахованы никогда вполне, направилась против русских монахов св. Пантелеймона, которые славились и на Св. Горе, и далеко за ее пределами своею высокою жизнью и великолепным, примерным во всех отношениях строем своей обители.

– Они раскольники, они заодно с болгарами, они хуже болгар, потому что болгары глупы и грубы, а русские знают, что делают... От них даже святую воду брать грех и служить с

ними в одной церкви не следует... Надо гнать их с Афона... Не бойтесь обнищания обители; мы вам поможем!

Так шепчет шелковый проэстос, изгнанный из Бессарабии, на ухо полудикому иноку из матросов, из горных арнаутов, из простых земледельцев... И простой инок впадает в искушение совсем других страстей, чем страсти бессарабского патриота...

Личная корысть и племенной фанатизм бряцают искусно на струнах простодушной религиозной нетерпимости...

Но с Божьей помощью и эта буря утихнет.

Русские монахи на Афоне, как ни тягостно им теперь, не забывают уставов; начальники их, отцы Иероним и Макарий, люди искренние в вере, глубоко убежденные; они (я, пишущий эти строки, имею счастье знать их лично) действуют, защищая свою паству не столько как русские, сколько как афонские монахи, подчиненные патриарху. Они ждут от него помощи; они прибегают к его справедливости и его суду, ожидая от русской дипломатии лишь нравственной поддержки. Они смиренно просят лишь одного у патриарха –

чтобы их развели с греческою братией Руссика, с этою греческою братией, которая сама, может быть, и не понимая хорошенько всего, стала орудием этно-филетической внешней интриги.

И Патриарху, не только такому замечательному, дальновидному, добросовестному патриарху, каков нынешний Иоаким, но и даже такому, каков был Анфим, – невозможно гнать русских с Афона за то только, что они русские. Патриархия, торжественно проклиная этно-филетизм, не может действовать официально на племенных основаниях.

Туркам тоже нет ни выгоды, ни охоты предавать весь Афон в руки одних греков.

Когда я покидал Турцию, дело, если не ошибаюсь, остановилось на том, что патриарх желал дать новый, особый устав для греко-русской обители св. Пантелеймона; устав этот должен был иметь в виду примирить русскую братию с греческой и способствовать продолжению их сожителства в одной обители посредством более точного определения их взаимных отношений.

Русская братия не была довольна таким

решением; она продолжала просить Великую Церковь о позволении отделиться в особый монастырь. Публикация в русских газетах древних документов, доказывающих права русской братии на монастырь Руссик, может потому принести русской братии этой обители вот какую двойную пользу. Это обнародование может, так сказать, возвысить в глазах, как наших, так и греческих, нравственное достоинство наших монахов, предпочитающих шаткой и бестактной тяжбе приобретение себе лишь какой-нибудь местности из всей земли, окружающей большой, новый, ныне обитаемый приморский Руссик. Имея некоторую возможность отстоять многое, они предпочитают малое и оставят внизу, у моря – грекам, вероятно, – множество построек, драгоценностей, икон и т. д., пожертвованных и приобретенных, правда, не для одной русской братии, а для собирательной, так сказать, святыни монастыря, но все-таки пожертвованных русскими или купленных на русские деньги.

Другая выгода от обнародования этих документов может быть следующая. Русские набожные люди, узнавши, что наши монахи до-

стигли, наконец, своей цели и удалились с благословения патриарха в другую обитель, захотят помочь им денежно для нового устройства. Русские монахи на Афоне заслуживают этого вполне по строгой жизни своей, по личному полному бескорыстию, которым отличается большинство их, по доброте своей, наконец, по гостеприимству и по милосердию к бедным и нищим.

Документы печатать полезно уже и потому, что они поддерживают внимание, столь развлеченное в наше время «злой днѣ» даже и у набожных людей.

Другого, мне кажется, более прямого веса это обнародование иметь не может. Мне так кажется; но, может быть, я упускаю из виду по отдалению моему что-нибудь важное при этом и, сердечно уважая братию русскую, как и всякий, кто ее видит вблизи, буду очень рад, если польза от обнародования документов превзойдет мои ожидания. Верно только то, что общество русское прямо защищать своих иноков не в силах. Нападать на греков в газетах издали, не зная ни подробностей дела, ни его тайных пружин, кроющихся иногда

в характерах лиц той и другой стороны (каждая добродетель – сестра какому-нибудь недостатку![5]), значило бы только вредить русской братии, значило бы явно доказывать грекам, что русское общественное мнение радо всякому случаю быть против них!..

Чем бесстрастнее мы будем относиться к этой распре, тем и патриарху, если он желает добра, легче будет устроить дело. Надо помнить, что, чем патриарх лучше, тем больше надо беречь его на троне, а чтобы остаться, при нынешних обстоятельствах, долго на этом троне, он не может грубо и неразумно раздражать кротких греков, ибо они могут низвергнуть его.

Посол наш может сделать больше печати. Однако и он в этом деле действует на пользу наших монахов только через патриарха.

Патриарх – единственный прямой и узаконенный судья этого дела.

(Прибавлю, что вот уже более года, как я оставил Турцию, и, быть может, с тех пор многое изменялось в афонском деле.)

Я полагаю, что ту ультраболгарскую партию, которая соединила свою судьбу с именем доктора Чомакова и за которой теперь пошел весь народ, можно осуждать лишь за то, что она употребила религию стольких миллионов людей орудием своего болгарского политического сепаратизма.

Но, раз отстранивши мысль об уважении к религиозной святыне, надо согласиться, что в чисто национальном отношении эта партия по крайней мере практичнее других болгарских партий. Она поставила себе ясную цель и шла к ней неуклонно, то осторожно, то решительно пользуясь всеми возможными обстоятельствами: критским восстанием, пропагандой, опасениями, взаимной ненавистью турок и греков, даже преданием о тюркской крови первых болгар, пришедших на Дунай с Аспарухом.

Цель была и ограничена и ясна: обособление болгарской нации.

Для этой незрелой, невооруженной, малоученой и темной нации, смешанной с едино-

верными ей греками, поставленной всячески так близко от вооруженной и почти независимой Сербии, от великой славянской России, Турция, казалось, есть наилучший предохранительный кров до поры до времени; церковное отделение от греков – единственное средство для начала обособления. Остальное же все казалось этой партии второстепенным. Религия? Смотря по удобствам. Сближение? С кем угодно, смотря по выгодам!..

Православные обычаи? Да! Особенно внешние, ибо народ прост и может испугаться, если бы, например, духовенство переменило одежды, камилавки и т. п.

Православные законы? Неважны! Ибо опять-таки народ прост, не знает их и его можно всему уверить.

Так, например, 34-е апостольское правило говорит:

«Епископам всякого народа подобает знати первого в них и признавати его яко главу и ничего, превышающаго их власть, не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается его епархий, и до тех, к ней принадлежащих; но и первый ничего

да не творит без рассуждения всех».

Слово «народ» в 34-м правиле значит все православные люди, живущие в одном краю; это слово имеет смысл географический или административный, ибо в старину у византийцев епархии совпадали с губернаторствами, а вовсе не племенной.

Между тем в болгарской брошюре «Блгрска-та правда и гръцка-та кривда»[6], по-видимому, написанной или духовным лицом, или по крайней мере лицом довольно церковного воспитания, мы видим, что 34-е правило, на которое обыкновенно опираются болгары, напечатано так: приводятся первые слова: «епископы всякого народа», и конец: «да правят сами онова, което ся относи до техната епархия»; а вся середина параграфа этого выпущена и заменена точками... Что же в ней? Именно то, чего не делали болгарские епископы... Епископы должны повиноваться одному старшему (в этом случае старший был Цареградский патриарх).

Но, повторяю, если устранить мысль об уважении к религиозной святыне, то надо с историческим беспристрастием похвалить

эту партию за ясное понимание своих хотя бы и узких, но определенных целей и за твердое, неуклонное их преследование.

– Что же может быть для нас лучше простого раскола? – говорят эти люди. – Униатство может расстроить народ; раскола он и не чувствует пока. Он видит все те же обряды, те же таинства, так же одетых священников и епископов; он слышит литургию на понятном ему языке. Худо было бы, если бы и русские объявили нас раскольниками, потому что и это могло бы произвести потрясение в народе; но еще несколько лет, тогда и это не беда. Народ окрепнет, свыкнется. Это было бы даже желательно, ибо с расколом и с Турцией мы можем постепенно достичь и провинциальной автономии, и войска своего под султанским знаменем, и дуализма по образцу австрийского: султан правоверных мусульман и царь болгарского народа.

Эта болгарская партия не хочет слияния ни с кем. И я нахожу, что с чисто национальной точки зрения она права. Я скажу даже больше – она полезна славянству, ибо при благоприятных условиях может помешать то-

му неорганическому смешению, об опасностях которого я уже не раз говорил.

Жаль, конечно, что болгарский сепаратизм принял вид церковный и воспользовался для своих мирских целей святыней веры.

У болгар, впрочем, есть люди совершенно других мнений.

Крайним сепаратистам можно противопоставить крайних панславистов, которых, по справедливому замечанию Кельсиева, особенно много между болгарами, прожившими в Австрии. Я сам знал лично несколько таких людей.

Между этими двумя крайностями сепаратизма и всеслияния можно выместить все другие оттенки болгарских политических мнений.

Я знал лет пять тому назад одного пожилого болгарина, который целью своею ставил панславизм политический во что бы то ни стало.

Он и на распрю с греками смотрел не как на частное болгарское дело, а как на что-то всеславянское, имеющее целью отобрать у греков все – до Эпира и Фессалии.

России он был предан донельзя, и мне приходилось не раз оспаривать его завоевательные планы в нашу пользу.

Он был человек довольно ученый, сумрачный, крайне нелюдимый, раздражительный, задумчивый. Любил запираяться надолго в своей комнате; многие подозревали, что он ищет усовершенствовать воздухоплавание для замены им железных дорог. Другие утверждали, что он ищет квадратуру круга и считали его сумасшедшим, как на Востоке считают всякого, кто хоть сколько-нибудь позволяет себе быть оригинальным. Я с трудом добился знакомства и сближения с этим человеком; но раз сблизившись, он раскрыл мне настежь политическую сторону своей души. Он начал спорить настойчиво, откровенно. Как истинный болгарин, как сын истории малосложной и новой, он разнообразными мыслями богат не был; но зато мысли его были ясны, тверды, и он их высказывал с каким-то язвительно-холодным энтузиазмом.

– Россия должна подчинить себе всех славян, без исключения, – говорил он мне. – Это ее долг, ее призвание. Если бы история сдела-

ла нас, болгар, самыми могущественными из всех славян, – надо было бы покориться нам. Если бы поляков – полякам. Но история дала могущество одной только России, и потому все славяне обязаны подчиниться России.

– Не все славяне так думают, как вы. И большинство ваших болгар – совсем иного мнения, – возражал я ему тогда (это было в 67-м году, тотчас после первых, всех поразивших неожиданностью триумфов Пруссии).

– Они не думают так от политической незрелости, от ограниченности ума своего! – возражал он с презрительною досадой. – Придет время, когда они все это поймут.

Теперь, после многих лет размышления над этими вопросами, я конечно нашел бы чем иным ответить на его доводы, хотя, конечно, и не убедил бы его, но тогда у меня еще были в запасе лишь самые обычные, нехитрые ответы.

– Пусть так! – толковал упрямый старик. – Пусть так! Если для России неудобно присоединять всех славян разом, – не надо. Она должна в таком случае способствовать образованию государств малых, по возможности

слабых и несогласных, чтоб эти государства естественным ходом истории скорее бы разрушились и пали к ее ногам. Она не должна, например, потворствовать образованию в этих Придунайских странах большой славянской державы...

– Позвольте, – перебивал я его, – у нас многие русские желали бы слияния сербов и болгар в одно государство.

– Напрасно! Напрасно! – восклицал, скрежеща зубами, с отчаянием мой седой болгарский мудрец. – Напрасно! Слушайте. Вы не знаете, как сербы горды и как они многого ждут для себя.

– Я знаю, – отвечал я, – что они очень воинственны, очень горды.

– Нет, вы не знаете их. Я их знаю давно. В 1848 году я жил в Австрии, я принимал участие в некоторых славянских банкетах, которые не преследовались австрийским начальством, пока славяне были Австрии нужны. Хорошо! На одном из подобных политических сборищ, в котором участвовали и сербы, и поляки, и немногие болгары, в том числе и я, предложен был чехами вопрос о необходимо-

сти общего для всех славян языка. Чехи сказали, что составить особый для этой цели язык очень трудно, и потому следует принять русский язык общим междуславянским. Все согласились, кроме поляков и сербов. Да! Сербь сказали с негодованием, что их язык гораздо чище, лучше древнего русского, и они его подчинять русскому не видят нужды. Вот каковы сербы! Если при современной слабости своей они так независимы и горды, чего мы можем ждать от них, если б их владычество простиралось чрез посредство присоединенных болгар, с одной стороны, до Босфора и Фессалии, а с другой – до Италии и почти до пределов Богемии, чрез слияние с кроатами и далматинцами. Ибо, не надо обманывать себя, в наше время принцип народности гораздо сильнее, чем религиозная рознь католиков и православных.

– А что касается до языка сербского, – продолжал с презрительною улыбкой старик, – то какую пользу может славянству принести язык народа малочисленного и бедного в своей отдельности? Где читатели? Что делать авторам без денег? Вспомните, во скольких эк-

землярах разошлась книга Шатобриана «Le génie du Christianisme»[7]; и с другой стороны, взгляните, как трудно достигать изданий и выгодной продажи даже греческим авторам; при всем уме греков, при всей их предприимчивости и при любви к учению, которая у них так велика. Если же говорить о достоинстве славянских языков, то наш болгарский язык имеет в себе некоторые свойства, которыми он превосходит и русский, и польский, а тем более этот ничтожный сербский язык. Например, существование членов в болгарском языке: «человек-тъ», «религия-та», «небо-то». Я полагаю, что существование склонений имен существительных есть признак незрелости языка; члены же являются там, где при большей зрелости пропадает или уменьшается склоняемость окончаний. Так, например, во французском языке есть члены и нет склонений. В русском нет членов, а склонения богаты. В этом отношении я полагал бы полезным, если бы русские приняли наши болгарские члены. А сербский язык и того не имеет!

Я посмеялся в душе немного этому грамматическому патриотизму (в нем одном толь-

ко болгарин проглянул на минуту из этого крайнего панслависта) и просил его продолжать его обычную речь о политике.

– Да! – говорил старик с глубоким чувством. – Да! Россия должна стараться, если можно, Черногорию соединить с Герцеговиной, а Боснию отдать Сербии. Она должна создать особое албанское княжество между сербским, греческим и болгарским племенем. Здесь (видались мы во Фракии), здесь во Фракии население смешанное – из болгар и значительного числа греков. Я знаю, что многие греки здешние, в случае падения Турции, желали бы образовать особое Фракийское или Фрако-Македонское княжество, чтобы не доставаться болгарам. Надо иметь в виду одно: дробность и слабость этих государств.

Примечания

См. номер 1873 года. Печатаем эту статью, как и прежние те же статьи и по тому же предмету, *sous toutes résèrves* [Со всеми необходимыми оговорками (*фр.*)]. Автор живет давно на Востоке, и его мнения интересно выслушать, хотя бы в чем-либо и не разделяя их. – *Ред.* [«Русского вестника».]

[^^^]

Не можем (*лат.*).

[^^^]

Неофит, митрополит Дерконский, в брошюре своей «Диевкринисис ту Вулгарику зитиматос» [«Разъяснение болгарского вопроса» (*греч.*)] говорит, что «Д. (4-й?) Вселенский собор определил округ Константинопольского престола и утвердил в 28-м правиле его права над тремя округами: Сицилийским, Понтийским и Фракийским, который содержит в себе всех северных варварских народов» (до Дуная и дальше на Македонию).

На подобных основаниях, между прочим, греки отстаивают права Вселенского патриарха на две спорные области – Фракию и Македонию.

Митрополит Дерконский слывет, правда, за фанатического эллина и за врага России; он может, конечно, выражать эти чувства в различных действиях своих явных и тайных; но из этих чувств не следует еще, что в брошюре его все неправда, даже и ссылки на такие факты, которые многие могут проверить. Я упомянул здесь об этом лишь для того, чтобы дать понять хоть сколько-нибудь мимохо-

дом и кратко и не обременяя читателей сухими фактами и скучными цитатами, что за греков вообще в этом фрако-македонском вопросе право историческое (консервативное), порядок и за болгар право этнографическое, племенное.

[^^^]

Не могу воздержаться, чтобы не сказать здесь несколько слов об одном греческом монахе. Зовут его отец Савва. Он сын сельского священника; придя с ранних лет на Афон, он долго был послушником и учеником знаменитого старца грузинца Илариона (я пишу это уже на память). Они жили вместе в пустынной келье. Старец сам иеромонахом не был, но он выхлопотал Савве послушание в это звание, и Савва служил для него в маленькой и бедной домово́й церкви их пустыньки. Жизнь их была странническая; пост чрезвычайный; старец-грузин Россию любил донельзя (за ее православие); во время Крымской войны эти два человека в пустыни молились ежедневно и пламенно за Россию и Государя. Савва служил обедню по-гречески; отец Иларион пел сам по-грузински; когда Савва начал на ектинье возглашать за Россию и Царя, старец падал ниц, обливаясь слезами, и бился головой об пол, восклицая по-грузински: «Поддай, Господи» или «Господи, помилуй!», так что и Савва не мог иногда от слез продолжать

службу. Когда союзники Турции вынудили от патриарха приказание святогорцам молиться за их войска, не все монастыри это исполнили. Одному из уступивших отец Иларион послал свое проклятие, лишь на основании своего духовного авторитета. Игумен и другие монахи этой обители поспешили в его дикую пустыню просить прощения, и он очень долго держал их за дверь. Под таким влиянием рос и старел отец Савва. По смерти старца он наследовал его келью, и наставник завещал ему, как иеромонаху, никогда за требы ни с монахов, ни с мирян денег не брать. Савва исполнял это, и сверх того он постник такой строгий, что я видел сам, как он, гостя по болезни в Руссике, подкреплялся по совету доктора: бобами, огурцами, фасолью (это его ростбиф). Старцы Руссика его очень любили, уважали и всячески его поддерживали. Человек он разговорчивый, довольно начитанный, ласковый и добрый. Теперь он вдруг ожесточился противу русских; переселился в Руссик на греческую половину и более всех других нападает на русских. Я спрашиваю: похож ли такой человек на ватопедского Ана-

нию, о котором я говорил выше? Разумеется нет, и если даже в душу его закралось какое-нибудь честолюбивое искушение (оно бессребреников посещает чаще, чем алчных), желание играть в Руссике роль и т. п., то не оправдывает ли такой человек свою совесть какими-нибудь соображениями по болгарскому вопросу с чисто церковной точки зрения? «Россия уже не та, что была и т. д.». Надо подумать и об этом, и если бранить греков в газетах, то надо знать, как и за что, ибо и греки разные.

[^^^]

6

«Болгарская правда и греческая ложь» (болг.).

[^^^]

«Гений христианства» (фр.).

[^^^]